

Михаил
ХАЗИН

ПУТИН СТАНЕТ СТАЛИНЫМ

«Левый поворот» для России

КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА сегодняшней российской власти заключается в полном несоответствии элиты и общества. У этого несоответствия много разных проявлений. Например, 90% российской элиты — это либералы, получившие свои активы за счёт приватизации, причём не только в результате чубайсовской приватизации 90-х годов, но и в результате приватизации своих государственных функций. В то время как 90% населения, наоборот, очень консервативно настроены, категорически требуют справедливости и "твёрдой руки". В частности, после подписания указа о пенсионной реформе количество людей, поддерживающих Сталина (даже не как политического деятеля, а скорее, как некий символ управления), увеличилось с 80% до 90%.

Связь между властью и обществом была разрушена в начале 90-х, когда произошла либеральная революция, главными действующими лицами которой были две силы. Это средняя и нижняя номенклатура и торговля. Они ставили своей целью решение двух принципиально важных задач.

Во-первых — передать по наследству те привилегии, которые имеют, в том числе те активы, которые они теоретически могут получить.

И во-вторых — избавиться от ответственности перед обществом. Иными словами, либерализм в российском понимании означает свободу человека от обязательств перед обществом. А вот обязательства перед вышестоящими руководителями, перед деловыми партнёрами остаются. То есть: воруй, сколько сможешь, правильно делись, — и ничего тебе за это не будет. В итоге к концу 90-х годов уровень конфликта между обществом и властью достиг запредельных значений.

Важным фактором, который усилил этот конфликт, явилось то, что у нас не было элиты в классическом понимании этого слова: советские элиты вымерли, а новые вообще себе не представляли, что такое власть. Они считали обязательным условием вхождения в элиту лишь наличие денег. В результате разные элитные группы использовали общество как инструмент борьбы со своими конкурентами, в то время как в любой нормальной стране это категорически запрещено: внутривзлитные конфликты никогда не выводятся на уровень общества, они всегда происходят за кулисами. Для того, чтобы установить подобную систему, необходим был внутривзлитный арбитраж. И в конце 90-х был, скажем так, объявлен "конкурс" на лучшего арбитра. Его выиграл Путин, который в течение какого-то времени стабилизировал ситуацию, в чём ему очень помог экономический рост, вызванный политикой Маслюкова и Герасченко. Усилиями Грефа, Кудрина и Игнатьева этот рост постепенно останавливался, но был продлён высокими нефтяными ценами 2005-2007 годов.

А дальше начались проблемы. Начиная с 2009 года, наша страна практически непрерывно находится в состоянии экономического спада (небольшой подъём в 2009-2011 гг. был восстановитель-

ным ростом после обвала 2008 года). Кроме того, начался очень острый внешний конфликт с либеральной мировой командой. Что такое либеральная команда? Есть шутка, что демократия — это власть демократов, а либерализм, исходя из этой логики, — это власть банкиров. Международные банкиры, контролирующие мировую экономику через Бреттон-вудские банковские институты, обнаружили, что их инструментарий больше не работает: после 2008 года экономический рост в мире остановился, и начался подъём националистического движения. В США это привело к появлению Трампа, но аналогичные процессы происходили по всему миру. В результате идёт падение уровня жизни, который с 2012 года составил уже, наверное, процентов 25-30. К тому же, стало абсолютно очевидно, что компромисса быть не может.

Вместе с тем, Путин, который поначалу играл роль межэлитного арбитра, постепенно вывел себя в позицию "катехона" — собственно, возродив византийскую традицию, при которой царь защищает народ от произвола бояр и ростовщиков. В нашем случае — от чиновников и олигархов. В рамках этого формата, кстати, всегда и происходила "Прямая линия". Но когда стало понятно, что схватка между либералами и патристическими силами во всём мире усиливается, то у либеральной команды появилась идея, что Путин уж чересчур патриотичен, и поэтому его надо убирать. Поэтому и началась активная антипутинская

кампания, усиленная разного рода грязными провокациями: от украинского Майдана и сбитого малазийского "Боинга" до отравлений в Англии, хотя совершенно ясно, что Россия к организации этих событий отношения не имела.

В этой ситуации Путин всё более ясно понимал, что договориться с либералами невозможно: если они так себя ведут, это означает, что они вообще не рассматривают варианты, при которых можно договариваться. В результате произошло три события.

Первое — в 2007 году. Это "мюнхенская речь", когда президент России обратился к Западу и сказал: "Вы нарушили свои обещания, так нельзя". Его проигнорировали.

Второе — в 2014 году. Это "валдайская речь", в которой после воссоединения Крыма сказал, что это последнее предупреждение.

Наконец, третье — в 2018 году, когда он в федеральном послании уже прямо сказал: всё! А в недавнем выступлении на Санкт-Петербургском форуме 2019 года был публично поставлен крест на Бреттон-Вудской системе. То, что она разрушается, понимали все, но об этом нельзя было говорить вслух. Путиным, наконец, это было сказано: та политическая модель, которая долгое время господствовала в мире и была выстроена в нашей стране, исчерпала себя.

При этом либеральные атаки на Путина летом 2018 года привели к тому, что его поставили перед ситуацией, когда он должен был либо подписать, либо отклонить указ о пенсионной реформе. Отмена пенсионной реформы почти наверняка вызвала бы либеральный взрыв в духе: "Путин не хочет, чтобы у пенсионеров были достойные пенсии" и санкции со стороны МВФ. Главным в этой ситуации было то, что Путин должен был сменить правительство. А либеральных чиновников и экономистов в виде команды у него на сегодня нет. К тому же, нет Маслюкова, Герасченко совсем не молод. И в этой ситуации был выбран компромисс: Путин подписал пенсионную реформу. Но в результате его образ "катехона" в глазах общества был нарушен. И Путин, который до этого обладал условной "тефлоновой" бронёй, к которой ничего не прилипало, слился с правительством. С тех пор всякая его попытка что-то сказать о правительстве, неминуемо заканчивалась тем, что ему говорили: "Это твои люди, они делают то, что ты им говоришь". Хотя это не соответствует действительности.

Ещё раз повторю: рейтинг Сталина в российском обществе вырос с 80% до 90%, а рейтинг Путина стал падать. Правительство же, осознав, что если его не уволили за такую "подставу", как пенсионная реформа, то можно сделать всё, что угодно, пошло вразнос. Вплоть до того, что стало цинично фальсифицировать цифры, то есть решило не обращать внимания на реальную ситуацию. В силу того, что не либеральных государственных институтов у нас не осталось (то есть неконтролируемых), то все называют одни и те же цифры. А эко-

номисты, которые пытаются показать реальность, маргинализируются. При этом экономическое положение не просто ухудшается, а сильно падает и, скорее всего, к осени оно снова сильно ухудшится: вероятно, нас ждёт девальвация рубля с резким ростом цен на товары народного потребления, поскольку они привязаны к долларovým ценам импорта, резкий рост цен на бензин и так далее.

В ЭТОЙ СИТУАЦИИ совершенно очевидно, что политическую модель нужно менять. Обращаю внимание: нужно менять не столько экономическую модель, сколько политическую. Если политическая модель будет изменена, то за ней можно менять и экономическую. Политическую модель нужно менять, потому что абсолютно ясно: тотальная смена чиновников финансово-экономического блока возможна только под иной идеологией. И здесь вопрос заключается не в том, что хорошо и что плохо, а в том, что возможно, а что невозможно. Вероятно, можно придумать какую-нибудь модель, но её создания невозможно реализовать, когда 90% населения за Сталина, а управленческий класс — только либеральный.

Путин представлял разные архетипические образы. И в 2003 году, это был первый президентский срок Путина, я, выступая в прямом эфире РБК ТВ, сказал о том, что Путин — очень специфический архетипический образ. Это образ Иванушки-дурачка, народ его ассоциирует с этим

Левый поворот в России пока перекрыт

персонажем. Надо учесть, что дурачок в русской традиции — это не вопрос интеллекта. Иванушка-дурачок — не дурак, он очень сообразительный. Но он не деловой, он верит людям, он не умеет продавать и т.д. К Путину как к человеку это не относится, но речь идёт не о человеке Путине, а об образе Путина в глазах народа. Самое главное свойство Иванушки-дурачка — к нему грязь не пристаёт. Но этот образ в результате сложных пертурбаций оказался сломан.

А тот образ, который сейчас должен на себя примерить Путин, — это образ крайне жёсткого отца нации, образ Сталина. Сталин — тоже архетипический образ. И в этой ситуации Путин неминуемо должен совершить левый поворот. Обращаю внимание: речь идёт не о том, что народ воспринимает левые идеи. Речь о том, что нужно совершить действия, которые будут восприняты как ликвидация безобразия 1990-х и 2000-х годов. Чего сейчас требует общество?

Первое — должна быть ликвидирована частная собственность на землю и на недра. "Норникель", другие крупные компании, что были приватизированы, и теперь какие-то люди получают десятки миллиардов долларов, которые должны принадлежать обществу, это всё должно быть национализировано. Причём национализировано бесплатно. Более того, возможно, нужно взыскать с владельцев, потому что они сбросили с себя "социальные обязательства".

Второе — должна быть национализирована внешняя торговля: пусть не по всем направлениям, но по сырью, особенно по нефти и газу, — обязательно.

Необходимо также крайне жёстко изменить налоговое законодательство: резко ослабить налогообложение рядовых физических лиц и сделать шкалу налогообложения прогрессивной. Необходимо резко увеличить социальные расходы и финансирование науки и образования: доля в бюджете на эти расходы должна вырасти не менее чем в два раза.

Отмечая, что это не есть социализм. Потому что социализм — это отсутствие частной собственности на средства производства. Такого требования российской общество пока не выдвигает, во всяком случае, для малого и среднего бизнеса — так точно.

Чтобы осуществить такого рода операцию, нужна большая общественная группа, которую условно можно назвать опричниками, хунвейбинами или ещё как-нибудь. Но, самое главное, — должна быть идеология. Проблема состоит в том, что у нас сегодня нет нелиберальных идеологических центров. У нас и либеральных нет, потому что у либералов все идеи закончились ещё лет 10-15 тому назад. И нынешние либеральные крупные системные тексты, которые пишут идеологи вроде May,

ЛИБЕРАЛИЗМ И СВОБОДА — почти синонимы. Либерализм (liberalis — свободный) и есть возведение свободы в центральный принцип, в позицию базовой ценности существования человека. Если бы некий идеальный либерализм охватил всех — было бы просто замечательно! Это означало бы духовную свободу личности: свободу от идеологических догматов, диктатов и контроля, свободу для творческого развития и осмысления всех сторон бытия. Такое общество было бы прекрасным, — просто земным раем! Но так не получалось никогда... И "идеального либерализма" никогда не было. Потому что "кое-кому" такой духовно свободный народ не нужен: им трудно управлять. Особенно, когда основным инструментом управления (долгие века — единственным) является страх. Страхом, при помощи страха управлял все: хозяева — слугами, богатыре — бедными, жрецы — паствой, монахи — подданными, политики — народом... Всё идёт в ход: мифы и легенды, литература и искусство, военные и оружие, наука и лженаука. В общем, от такого инструмента не отказываются. Его берегут, "смазывают", "затачивают", совершенствуют и влетают в ткань жизненного процесса, стремясь к сохранению и укреплению властных, управленческих позиций.

Ценностная матрица либерализма породила несколько направлений, в которых выросли разные его формы: политический, экономический, индивидуалистический, коллективистский и др.

Так, абсолютная в своей жестокости и цинизме человеческая алчность, обретающая формы "либерально-демократических" экономических и политических доктрин и базирующихся на них общественных систем, государственных устройств. Оправдание — и защита! — алчности в таком "свободном" обществе никогда не исчезает. Меняются слова и маски, но не суть. "Экономические либералы" тщательно выставляют базис защиты собственной алчности и как таковой (право собственности) и как объекта защиты, регулирования, передела права собственности. А ещё они ловко расширяли этические рамки, втиснув в перечень допустимого еще многие вещи, веками считавшиеся заторными — например, ростовщичество, сделав его respectableм банковской деятельностью. Или рабование и торговлю людьми: со временем переидя от прямых грубых неароматных форм к скрытым зависимостям, свойственным неоколониализму. Они не столь пахучи, как методы XVIII века, поскольку обеспечены современными технологиями менеджмента и манипуляции сознанием, использующими неочевидные возможности управления мотивацией, поведении и чувством удовлетворения.

В борьбе за власть и деньги со своими предшественниками (либерализм возник в эпоху ломки феодализма), сформировались принципы свободы личности, оформившиеся, в конце концов, в концепцию "прав человека". Они по сей день используются

Сергей
БЕЛКИН

ЛИБЕРАЛИЗМ И СВОБОДА

Инструменты власти

либералами как способ вовлечения народа в борьбу за цели либералов под видом борьбы каждого за собственные цели. Всё это в целом названо экономическим либерализмом. Его базовые принципы охватили весь мир. Именно этим принципам (а не каким-то там богам) по факту служат большинство религиозных организаций, служат политические системы (демократия и пр.), концепции либеральной культуры (мультикультурализм, постмодернизм и др.), продукты этой культуры: кино, ТВ и др., системы образования и воспитания, — всё Ему (экономическому либерализму) поклонилось.

Одновременно с развитием и ростом влияния либерализма росло и сопротивление ему — как новой, по сравнению с ранее существующими, форме эксплуатации. Стремление к свободе "для всех", к справедливости, породило коллективистские формы либерализма. Попыткой обуздать, ограничить алчность стал теперь уже довольно многоотчетный букет социализмов: коммунизмов, илущих содержание, форму и путь к справедливому обществу. При этом все социализмы-коммунизмы, ценя свободу не меньше либералов, стремятся найти тот баланс между личным и общественным, который не противоречил бы принципу справедливости (всегда, так или иначе, понимаемому в контуре коллективизма, в контуре "общее выше частного"), но и не лишал бы свободы: как духовной, так и поведенческой, деятельности. Либеральная и коммунистическая идеи имеют общий корень и во многом — общий ценностный базис. Французская революция и её лозунг "Свобода! Равенство! Братство!" лежат в основе как политического либерализма, так и марксизма. При этом и тот, и другой сформировали свои ценностные матрицы, на которых произносили свои надстройки: идеологии, политические и экономические системы, вошедшие друг с другом в противоборство. Причём зачастую они борются не "ради идеи", а ради укрепления и процветания собственных систем (государственно-политических, общественно-идеологических, религиозных и т.п. структур). Следствием этого стремления к выживанию становятся парадоксальные альянсы и идеиные "уступки", на которые они идут.

СЛОВА ПУТИНА о том, что либеральная идея себя изжила, вызвали весьма живую полемику. Это не удивительно — хотя бы в силу того особого положения, которое либерализм как синкретический концепт занимает на нашей

планете. Он — не просто благая или неблагая система взглядов. Либерализм — действенный инструмент удержания власти. А потому всякие разговоры о нём чутко улавливаются и без внимания не остаются. Выказывание Путина заслуживает особенно серьёзного отклика — и не потому, что несёт в себе что-то новое, а потому, что озвучил его Путин: человек устойчивой и бескомпромиссно проводящий в жизнь либеральную политику на протяжении всей своей властной жизни. Ничего, что хоть как то могло ослабить позиции либерализма в России, Путин никогда не предпринимал и не допускал. Максимум возможного антилиберализма — статьи, высказывания, аналитические исследования... Системные либералы были и остаются основой власти на всех уровнях, а вот системных антилибералов у нас нет, не было, и я не вижу серьезных оснований для их появления. Оставаясь продуктом распада Советского Союза, неся в себе комплекс инстинктивного выживания в эпоху радикальных перемен, обретая опору и возможность существования в специфической "питерской" среде: среде с предельно высокой концентрацией прозападного либерализма, — Путин оказался во властном клане, вышедшем на вершину. Его дальнейший путь и намерения были достаточно очевидны и казались предсказуемыми. Но, как говорится, "логика обстоятельств сильнее логики намерений". Обстоятельства и не утраченная совестливость, присущее многим русским подосознательно скрапальное отношение к судьбе народа и страны, деляги своё дело. Незаметным дрейфом от одного формата либерализма к другому его формату произошёл. Компрадорский буржуа может стать национальным. И, став таковым, он начинает ощущать, что те принципы либерализма, которые он исповедовал, противоречат тем целям и задачам, которые он должен реализовать "в силу обстоятельств".

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА последних лет вывели Россию и её лидера в эпицентр международной нестабильности. Причём нестабильности такого масштаба, в котором поступки, не кажущиеся значительными, ведут к серьёзным и весьма плохо предсказуемым последствиям. Потеря управляемости мировой системой вылилась очевидной. Все балансы: сил, страхов, возможных выгод и потерь, — вышли из равновесия. Всё пришло в движение, и любое слово или действие одного из немногих подлинных мировых лидеров вызывает исключительные по своим масштабам последствия.

Почему Путин произнёс слова об "изжитии" либеральной идеи? Почему он не сказал об этом мне, не сделал это внутрيريосским дискурсом? Общество уже давно "у залётчек характер вызвало" и находится в алертной позиции, чтобы погнай метлой вымести либерастов и их идеи из власти. Но Путин не нам посылает этот сигнал. Нам дозволено его услышать и получить удовлетворение от активной — по отношению к "Западу" — позиции Путина. Нам дозволено сформировать комплекс позитивных ожиданий от такой трансформации мировой системы, от такой её конечной конфигурации, в которой "всё будет хорошо". Это вписывается, согласуется с той психологической парадигмой, в которой внутренние перемены "у нас" происходят вследствие внешних воздействий "оттуда". И никакого автопозиса. Ждун — "наше знамя боевое".

ЛАДНО: ЖДЁМ... Наблюдаем за игрой, в которой "наш" — далеко не последний человек. Гордимся. И размышляем: в чьей игре он так хорошо играет? Он (а с ним — и все мы) точно не болваны (в польском преферансе? Он (а с ним — и вся наша страна) точно не "консервы" на суровом пути по тундре из пункта А в пункт Б? Если игра — политико-экономическая, то, боюсь, что и болван, и консервы. Не субъект. Целеполагание — ситуативное. "Сила Сибири" есть, а "Духа Сибири" — нет. Идеи — нет. Либеральная, как сказано, "изжила" (то есть практически — выветрилась, исчезла, не работает). Хорошо бы, конечно, уточнить: какая именно из многих либеральных идейных систем изжила? Или сразу вместе? Хорошо бы также понимать, что пришло или хотя бы идёт ей на замену? Ведь какая-то "идея" всё равно — есть? Если никакой нет, то мы точно — "консервы" с газом. У двух других главных игроков: США и КНР — с идеями всё в порядке. Американская либеральная парадигма (не "идея", конечно) не зависит от фамилии и прически президента Трампа, равно как и от тепловых движений его оппонентов. Алчные дерутся — только тешатся. Для этой парадигмы любой исход внутриполитической борьбы в США — благо. Как в кино "Пятый элемент": чем больше смертельных ракет пущено в чёрную сферу, олицетворяющую Зло, тем она мощнее и быстрее приближается. У Китая тоже с парадигмой неплотно: марксистский материалистический базис "китайской мечты" позволяет сохранить субъектность и способность к целеполаганию. Это не просто

"немало": это обеспечивает статус мирового игрока.

А у нас? У нас просто никакой собственной внутренней парадигмы нет. Деятельность по разборке собственного дома и пляска на костях не прекращаются, имитационно-подражательные игрища — продолжают во всех сферах. А созидательного творчества — нет. Столетний собственный опыт и накопленные ценности являются не ресурсом, а мусором и миссией для поругания.

А ведь мы могли бы иначе. И пока ещё можем. Но диктатура алчности под маской либерализма в России, похоже, лишила общество энергии, воли... Мы уже давно не можем сформировать что-либо влиятельное и "антилиберальное" одновременно. Мы не знаем, что такое либерализм "на самом деле", не можем судить, что в нём хорошего, а что — плохого, и можно ли хорошо сохранить, а от плохого отказаться. Мы отдали алчным хулапам монополию на либерализм, отказавшись от собственного идеиного базиса борьбы за свободу. У нас нет: ни в какой форме, даже в форме неясного образа или эмоционального настроения, — чего-то, что нас могло бы объединить и сподвигнуть на действия. Задача выращивания из нас потребителей успешно выполнена. Политикой мы не занимаемся. Мы её потребляем: глядя-ка — Путин что-то сказал, и Соловьёв вот тоже вчера... Мы утратили субъектность. И это, в первую очередь, не организационный, не институциональный вопрос, а интеллектуальный. Для субъектности нужен базис — в головах и сердцах. И базис — не экономический, а ценностный.

Национальный интерес — это на 99,9% внутренняя политика. Это не то, с чем Путин или Лавров ездят по миру, это то, что происходит в стране. Если национальный интерес, как внутренняя политика, не обладает осознанным содержанием, не обладает ясно выраженных форм и целей, то во внешней политике просто нечего представлять, выражать и продвигать.

Но пока мы, народ, — всего лишь "источник власти", а не власть, мы пока — зрители, а не участники. Так что к президенту я обращаюсь от лица потребителей лишь с одним уточняющим вопросом: Владимир Владимирович, а либеральная идея изжила себя только за рубежом или и в Москве, в Кремле, на Старой площади, на Краснопереенской набережной — тоже? Если да, то какая идея будет вместо неё? Животворящая — или как? И в чём она будет состоять?

Ждём...

ПОХОРОНЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

Под траурный марш технологической революции

Окончание. Начало — на стр. 1

ФУКУЯМА предупреждает об опасностях национализма. Но объективная оценка ситуации показывает, что сам современный национализм является порождением современного либерализма, доведённого до социально-правового размаза. Достаточно вспомнить ситуацию погромов, массовых избиений и изнасилований со стороны последней волны мигрантов, когда либеральные европейские политики давали полиции команды не вмешиваться и не возбуждать против мигрантов-преступников уголовные дела.

Или вспомним тех же европейских политиков и философов — теоретиков либерализма, которые открыто призывали европейских мусульман ехать сначала в Ливию убивать Каддафи, а потом в Сирию — Асада! Такова изнанка современного либерализма. Автор "Конца истории" не затрагивает эти вопросы. Или есть "секретные протоколы" к "Концу истории", где сказано о том, что вербовка террористов, "цветные революции", массовые убийства противников насильственного либерализма — тоже являются частью либеральной доктрины и ускоренного пути к "Концу истории"?

А возможен ли вообще неоклассический фукуямовский либерализм и "конец истории" в условиях новой технологической революции (объединим в одно понятие третью и четвёртую производственные революции)? Сам Фукуяма пока уходит от ответа на этот вопрос. Пытается ответить на него другой модный сейчас учёный, молодой профессор из Израиля Юваль Ной Харари. В тот же день (12.07.2019), когда Фукуяма опубликовал своё интервью "Голосу Америки", Харари дал интервью на ту же тему изданию Le Temps (французской версии британской The Times).

Харари, в сравнении с Фукуямой, более честен как учёный. По его мнению, информационные технологии и биотехнологии уже сейчас образуют опасный союз: "Владельцы информационных и аналитических инструментов знают нас лучше, чем мы сами, и могут контролировать наши мысли и желания... В XXI веке искусственный интеллект (ИИ) и биотехнология открывают новые перспективы. С помощью камер, беспилотников, биометрических датчиков, регистраторов можно отслеживать миллионы и даже миллиарды людей одновременно. И информация, собранная в форме электронных данных, может интерпретироваться машинами. В конечном итоге, технологии позволяют получить доступ к мозгу... Крупные корпорации Запада отслеживают миллионы или даже миллиарды людей, чтобы узнать об их характерах и вкусах. На этом этапе такое наблюдение используется для продажи товаров и услуг. Но его легко можно использовать и из политических соображений, как это произошло в случае с Cambridge Analytica (речь идёт об использовании этой британской компанией всей полученной информации в целях манипулирования выборами в США в 2016 году, а всего в 200 выборах в разных странах мира в 2013-2018 гг. — В.О.)".

Но, последнее обстоятельство наотмашь бьёт ещё по одной священной либеральной корове Фукуямы — "свободным демократическим выбором": если выборы контролируются через ИИ и Большие Данные, то всё дозволено! Выбора как такового нет!

Харари полагает, что "либерализм переживает кризис, но не умирает". Он полагает, что "одним из его достоинств является способность признавать свои ошибки и заново изобретать себя". При этом Харари, как верный последователь либерализма, полагает, что новая форма либерализма всегда выиграет соперничество у новых форм авторитаризма. Но это, на наш взгляд, своего рода примитивизация научного осмысления реальности и прогнозирования будущего. И здесь Харари недалеко ушёл от Фукуямы.

Харари явно недооценивает способность авторитарных режимов тоже делать выводы из ошибок прошлого и перестраивать стратегию развития не менее эффективно, чем это делают либеральные государства.

И Фукуяма, и Харари, в конечном счёте, исходят из ещё одного основного принципа либерализма — рыночной экономики, где свобода предпринимателя ВСЕГДА приоритетнее государственного регулирования. Опыт Китайской Народной Республики, главного экономического конкурента либерального Запада, режет и эту священную либеральную корову. В недавнем опубликованной на русском языке книге Кай-Фу Ли "Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок" (М.: Изд. Манн, Иванов и Фарбер, 2019) убедительно показана вся история реагирования КПК на новую технологическую революцию и выработки стратегии развития Китая исходя из её наиболее эффективных трендов.

Главный вывод этого исследования состоит в том, что в Китае смогли использовать государственную и партийную машину для того, чтобы дать возможность интенсивно развиваться своим предпринимателям, создавая для этого максимум льготных условий. Как пишет автор книги, "участие государства многа оказывается чрезвычайно эффективным". Вышее руководство КНР не стало ждать, когда "заработает рынок". Оно хотело ЗАСТАВИТЬ правительственные деньги работать как можно быстрее, а для этого нужен был качественный скачок. И он был сделан на всех уровнях власти. Естественно, в условиях жесточайшего контроля за расходованием средств.

Ясно, что "конец истории" будет другим. Фукуямовский либерализм уже сейчас практически похоронен. Новая технологическая революция рождает новые формы управления экономикой и обществом. Политикам и учёным надо выполнять из удобных нор и пещер привычных понятий.

Владимир ОБЧИНСКИЙ